

ТРАНСФОРМИРУЮЩАЯСЯ ГЛОБАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ УЗБЕКИСТАНА

Махмудов Рустам Баходирович

Доцент кафедры «Политология», УМЭД

DOI: 10.5281/zenodo.15680577

Система международных отношений в последние годы демонстрирует ускоряющуюся динамику изменений в своих парадигматических основаниях. Очевидно, что эти изменения напрямую касаются и региональной политики Узбекистана, поскольку Центральная Азия уже давно стала частью мирового геополитического, экономического и идентификационного поля. На наш взгляд, влияние глобальных геоэкономических, технологических, климатических и идентификационных факторов будет все сильнее оказывать влияние на новый этап политики Узбекистана в Центральной Азии, что будет требовать быстрого и гибкого реагирования на концептуальном и практическом уровне.

Первый и второй этапы центральноазиатской политики Узбекистана

Как известно, Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в 2016 году начал фундаментальные реформы, призванные построить новый политический и социально-экономический фундамент страны. Одним из важнейших компонентов новой политики стал курс на сближение со странами ЦА, решение накопившихся ранее проблем в двусторонних отношениях и создание диверсифицированной системы связей, способных запустить механизмы взаимовыгодного сотрудничества. Период реализации данной политики с 2016 по 2020гг. можно условно назвать **Первым этапом** нового регионального курса Узбекистана.

Усилия Узбекистана встретили позитивный отклик со стороны его центральноазиатских соседей, что стало причиной взрывного роста товарооборота, особенно с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также общего потепления политического климата и роста доверия в регионе.

Товарооборота Узбекистана с Казахстаном в период 2017-2019гг. вырос с 2,05 млрд до 3,367 млрд долл. За это же время товарооборот Узбекистана с Кыргызстаном увеличился с 253,7 млрд до 829 млн долл., а с Таджикистаном – с 237,9 млрд до 497 млн долл. Казахстан стал третьим по величине внешнеторговым партнером, а Кыргызстан взлетел сразу на 7-е место, войдя в десятку ведущих внешнеторговых партнеров Узбекистана.⁷¹

Тот уровень сближения, который до 2016 года многим скептикам казалось невозможным, на самом деле был достигнут в кратчайшие временные сроки. Фактически народы стран ЦА вновь «открыли» друг друга, и это стало историческим событием. Одним из индикаторов данного открытия можно считать резкий рост туристического, культурного и гуманитарного обмена.

Также важнейшим индикатором межгосударственного сближения можно считать запуск формата Консультативных встреч глав государств стран Центральной Азии. Состоявшиеся в Астане (2018г.) и Ташкенте (2019г.) саммиты, безусловно, можно внести в актив первого этапа региональной политики Узбекистана.

Однако поступательная эволюция региональных связей столкнулась с неожиданным вызовом – пандемией COVID-19. Ее преодоление стало своеобразным тестом для новой реальности в ЦА и всего корпуса двусторонних и многосторонних отношений. Показателем прохождения теста может служить оказание гуманитарной помощи. В частности, в разгар пандемии Узбекистан отправлял партии гуманитарной помощи в Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан.

Преодоление последствий пандемии можно считать **Вторым этапом** (2020-2023гг.) региональной политики Узбекистана. Нужно отметить, что страны ЦА довольно быстро восстановили двусторонний товарооборот и продолжили разработку совместных проектов, в том числе и в формате Консультативных встреч. В этот период Узбекистан стремился еще больше

⁷¹ Р. Махмудов. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 1 (L). С. 121-134. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134

повысить общую эффективность своей политики в ЦА, которая носит с 2016 года ярко выраженный проактивный характер.

Это хорошо видно на примере Афганистана, где в августе 2021 года кардинальным образом изменилась политическая ситуация и к власти вернулось движение «Талибан». Узбекистан не только в кратчайшие сроки смог наладить отношение с новыми властями этой страны, что сняло опасения в области обеспечения безопасности в ЦА, но и стал создавать потенциальные драйверы экономического роста для всего региона, о чем говорит проект железной дороги «Термез-Мазари-Шариф-Кабул-Пешавар».

Вкратце оценивая эти два этапа, хотелось бы отметить, что Узбекистан внес в региональную политику позитивный прагматизм, который основывается на взаимной или многосторонней максимизации различного рода дивидендов.

Это в свою очередь позволило остановить процессы дезинтеграции региона как культурно-исторического феномена и вновь подняло вопрос о глубокой региональной кооперации, а на экспертном уровне - и вопрос региональной интеграции.

Также сближение между странами региона привело к появлению феномена «диверсификации дискурсов». Если до этого доминирующим дискурсом был дискурс культурно-исторической общности стран ЦА, то после 2016 года к нему добавился дискурс геополитической общности, т.е. ЦА стала постепенно рассматриваться уже не как гетерогенный, а как единый геополитический феномен.

Здесь, конечно же, могут иметь место определенные интерпретации. Можно сказать, что дискурс «единого геополитического феномена» является абсолютно новым дискурсом, или же он представляет собой новую редакцию старых интеграционных инициатив 1990-х гг., однако факт остается фактом – мы в регионе сегодня имеем дело с системой двух дискурсов, и это необходимо уже принимать во внимание при расчете долгосрочных планов совместного развития.

Третий этап центральноазиатской политики Узбекистана

В настоящее время, на наш взгляд, Узбекистан приступил к реализации **Третьего этапа** своей политики в Центральной Азии в сотрудничестве с региональными партнерами. Особое внимание уделяется развитию транспортных коридоров, открытию рынка и природных ресурсов Афганистана и их интеграции в региональные цепочки поставок и добавленной стоимости, выходу на рынки стран Южной Азии, Кавказа и Ближнего Востока. Идет дальнейшее количественное и качественное усложнение региональных связей.

Однако, как показывают наблюдения, сегодня все сильнее ощущается влияние нескольких факторов, которые можно назвать «**макро-факторами**», на вызовы со стороны которых рано или поздно Узбекистану и его партнерам придется отвечать.

Фактор 1. Глобальная геополитическая трансформация. Практически не вызывает сомнения тот факт, что знакомые нам правила глобальной игры, которые действовали в течение 30 лет после распада биполярной системы, практически исчерпали свой потенциал.

Фиксируемые сегодня константы и базовые принципы мировой политики разительно отличаются от тех, которые действовали в течение 1990-х и первого десятилетия 2000-х годов. Так, мы уже не можем уверенно утверждать, что живем в однополярном *Pax Americana*. Одновременно, мы также не можем точно сказать, в каком мире мы очутились, т.к. подлинная многополярность пока не сложилась.

Это состояние можно назвать «бесполярным миром» Ричарда Хааса, где ведущие мировые игроки, несмотря на свою мощь, не могут действовать без сотрудничества с региональными державами, международными организациями и многочисленными локальными акторами, а на место прочным блоковым форматам приходят различные ситуационные союзы.⁷²

⁷² Р.Хаас, Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. №4. <https://www.globalaffairs.ru/articles/epoha-bespolynogo-mira/>

Это в полной мере касается также мировой экономики и глобального рынка. Можем ли мы в настоящее время говорить о полноценном функционировании **принципов свободного рынка**, на которых строилась идея глобализации конца XX – начала XXI вв.? После «бесконтрольно» плодящихся прямых и вторичных санкций очевидно, что говорить о классической экономической глобализации, о свободном рынке и его институтах стало крайне сложно.

Глобальная трансформация затрагивает и **систему международной безопасности**. Обостряется соперничество между ведущими центрами силы, возникают новые конфликты и оживают ранее замороженные. Практически мгновенное обрушение ситуации в Сирии в 2024 году, радикальным образом изменившее диспозицию внутренних и вовлеченных внешних сил, служит этому прекрасным примером.

В подобной ситуации разбалансированности **на ведущие позиции в повестке дня сотрудничества Узбекистана и стран ЦА должны выходить вопросы безопасности** во всех их ключевых аспектах. Стратегическая цель – сохранить регион в качестве «тихой гавани» в бушующем глобальном море, что в перспективе могло бы дать очень серьезные экономические, инвестиционные и научно-технологические дивиденды всем странам ЦА.

Фактор 2. Обострение конкуренции за технологическое доминирование.

Вполне очевидно, что мир уже вступил в новый этап технологической конкуренции в рамках Четвертой промышленной революции. Эта конкуренция между доминирующей американской технологической зоной и находящейся в фазе технологического роста Китая, который также строит свою технологическую зону. Конкуренция затрагивает различные сферы – искусственный интеллект, квантовые технологии, полупроводники, новые природные ископаемые (литий, редкоземельные металлы). К ней добавляется гонка вооружений на принципах нового технологического уклада.

На наш взгляд, от исхода технологической борьбы будет зависеть не только конфигурация научно-академического ядра мира, структура его полупериферии и периферии, но также и конфигурация глобальной системы экономического и военно-политического доминирования.

Узбекистану и стран Центральной Азии на этом фоне важно ускорить совместные усилия по вхождению в новую технологическую эпоху и разработке мер по созданию новых типов кадров и рабочих мест, которые должны будут обеспечить повышение общей конкурентоспособности региона. Переход от Третьей к Четвертой промышленной революции открывает исторические возможности, которые не следует упускать.

Фактор 3. Влияние доминирующей в мире философии «Ростизма».

Эта философия тесно связана с культурой потребительского общества. Суть состоит в том, что чем больше производится продукции и обеспечивается ее растущее потребление, тем лучше. Эта философия приобрела глобальный характер.

ЦА также находится в пространстве философии ростизма. Однако специфика региона состоит в том, что философия ростизма и потребительского общества находится под растущим давлением климатического фактора и ухудшающейся экологии. Кроме того, это давление будет усиливать постепенное вхождение Афганистана в пространство философии ростизма. В частности, ему будет нужно больше воды, крайне дефицитного для ЦА ресурса, и это становится важнейшим вызовом для региональной безопасности.

В этой связи Узбекистану и его партнерам по ЦА уже сегодня важно поставить на повестку дня вопросы следующие вопросы:

- Где находятся экологические и климатические пределы регионального экономического роста?
- Возможна ли разработка новой региональной парадигмы «зеленого роста», которая бы устранила недостатки философии ростизма и одновременно обеспечила бы потребности обществ в новых типах товаров и услуг?

- Как трансформировать экологические проблемы, порожденные прежним технологическим укладом, в источник получения «экологических дивидендов»?

Фактор 4. Общерегиональная идентичность.

Важнейшим вызовом для Центральной Азии становится вопрос укрепления и развитие общерегиональной идентичности, или центральноазиатской супраидентичности. Такая идентичность в ЦА традиционно существует, однако учитывая ускоряющуюся глобальную динамику трансформации, идентичности также становятся пространством изменений.

Мы видим, как в регион все больше проникают различные идентификационные концепты, сформированные в других культурных пространствах, которые борются за умы, приоритеты и ценности, особенно молодого поколения. Создавать «железный занавес» в этой ситуации практически невозможно, т.к. мы живем в цифровую эпоху, да и не нужно. Необходимо идти другим путем, а именно принять вызов и вступить в конкурентную борьбу, предлагая свои идентификационные концепты.

Как мы это можем сделать? Есть два подхода – «сверху-вниз», когда государство предлагает и продвигает идентичность, или «снизу-вверх», когда идентификационные фреймы формируются на низовом уровне. На наш взгляд, именно на подход «снизу-вверх» необходимо обратить особое внимание, поскольку сегодняшняя ситуация в Центральной Азии характеризуется все большей интеграцией национальных экономических и гуманитарных пространств, что благоприятствует увеличению числа контактов между гражданами наших стран. В итоге развивается «чувство общности», что способствует возникновению новых общих позитивных интеграционных фреймов.

С учетом этого странам региона нужно сфокусировать больше внимания на общерегиональных социологических и антропологических исследованиях, которые позволят изучать новые тренды на низовом уровне и поставлять

результаты эмпирических исследований на «верх», где они затем будут оформляться в форму идентификационных идей и транслироваться в культурное пространство региона.

В целом, можно сказать, что адекватный и своевременный ответ Узбекистана и его партнеров на вышеуказанные вызовы может сформировать качественно новую динамику развития многосторонних связей в ЦА, что в свою очередь придаст дополнительное ускорение кооперационным трендам с возможным их переходам в форму региональной интеграции.